

Производство и интерпретация значения внутри культуры, семиотика и область ее применения

Зайнетдинова Р. А.

Главным подходом к изучению культуры семиотика становится в конце 1960-х, частично в результате работы Ролана Барта. Постепенно семиотика начинает применяться все более широко. Теперь – это область изучения, включающая множество различных теоретических позиций и методологических инструментов. Но при всей влиятельности семиотики как метода, не существует ее целостного описания, что ведет к смешению ее с другими методами и затуманиванию границ семиотики. К тому же, трудно отделить семиотику от структурализма. Структурализм является аналитическим методом, который использовали многие семиологи, и который основан на лингвистической модели Соссюра.

Семиотика рассматривает действительность не как нечто имеющее объективное существование, которое является независимым от интерпретации, а в качестве системы знаков, построенной нами. Она показывает нам, что значение информации содержится не в мире или книгах, компьютерах или аудиовизуальных средствах информации, но активно создается нами согласно сложному взаимодействию кодов или конвенциям, которые мы обычно не осознаем. Изучение знаков – изучение построения и преобразования действительности. Отказаться от такого изучения – значит, оставить за другими контроль над миром значений, в котором протекает наше существование.

С тех пор как Локк сделал отношение между знаками (словами) и идеями центральной особенностью человеческого понимания, имелись дискуссии и расхождение во мнениях относительно природы знака. Диапазон значений и применений термина «знак» показывает, что мы не можем использовать этот термин так, как будто то, что он означает самоочевидно. Две доминирующих модели знака – это модели лингвиста Фердинанда де Соссюра и философа Чарльза Сандерса Пирса.

Соссюр предложил диадическую модель знака, он определил знак как состоящий из означающего – формы, которую принимает знак – и означаемого – понятия, которое он представляет. Знак – это целое, которое происходит из связи означающего с означаемым, а значение – это отношение между ними [Allott, Robin Language and the origin of semiosis [Electronic resource] // <http://www.percepp.demon.co.uk/index.htm>]. Знак, таким образом, - распознаваемая комбинация означающего и отдельного означаемого. Для Соссюра и означающее, и означаемое были чисто «психологическими». Он ничего не говорит о «референте» - объекте, существующем в мире, к которому относится знак. Значение знаков он рассматривал как расположение в их систематическом отношении друг к другу скорее, чем происходящее от каких-либо особенностей, свойственных означающим или любой отсылки к материальным вещам. Поскольку «значение» знака зависит от его отношений с другими знаками в пределах системы, знак не имеет никакого «абсолютного» значения, независимого от контекста, в котором он употребляется.

Соссюр подчеркивал произвольность знака - более определенно, произвольность связи между означающим и означаемым. Он обращался в основном к лингвистическим знакам, рассматривая язык как наиболее важную систему знаков; для Соссюра произвольный характер знака был первым принципом языка - произвольность была определена позже Чарльзом Хокеттом как ключевая особенность конструкции языка. Постулирование качества произвольности может действительно помочь объяснить экстраординарную многосторонность языка. В контексте естественного языка, Соссюр подчеркивает, что не имеется никакой необходимой, «прозрачной», самоочевидной или «естественной» связи между означающим и означаемым - между звуком или формой слова и понятием, к которому оно относится. Сам Соссюр избегает непосредственно связывать принцип произвольности с отношениями между языком и внешним миром, что его комментаторы часто делают, и

действительно, можно часто обнаружить намек Соссюра на реально-существующие референты, скрывающийся позади чисто концептуального «означаемого».

Этот принцип произвольности лингвистического знака не был оригинальной концепцией: еще Аристотель отметил, что «не может иметься никакой естественной связи между звуком любого языка и обозначаемой им вещью». «То, что мы зовем розой, под любым другим именем будет пахнуть также приятно», как выразился Шекспир. Хотя понятие произвольности языка не было ново, но акцент, который Соссюр поставил, может считаться значительным вкладом, особенно в контексте теории, которая выносила референт за скобки. Здравый смысл говорит, что существование вещей в мире предшествовало нашему очевидно простому приложению «обозначения» к ним.

Произвольность знака - радикальная концепция, потому что она предлагает автономию языка относительно действительности. Модель Соссюра, с ее акцентом на внутренних строениях системы знака, может трактоваться в пользу представления о том, что язык не «отражает» действительность, а скорее строит ее. Мы можем использовать язык, говоря о том, чего в мире нет, также как и о том, что есть. Но если бы лингвистические знаки были бы полностью произвольными, язык не был бы системой, он не смог бы выполнять коммуникативную функцию. Соссюр признает, что «не существует такого языка, в котором ничто вообще не мотивировано». Он допускает, что «язык не полностью произволен, поскольку система имеет некоторую рациональность». Принцип произвольности не подразумевает, что форма слова случайна. Хотя знак не определен экстралингвистически, он определен интралингвистически. Например, означающее должно состоять из правильно построенных комбинаций звуков, которые соответствуют существующим образцам в структуре рассматриваемого языка. Как отметил Клод Леви-Стросс, знак произволен априори, но прекращает быть произвольным апостериори - после того, как знак вошел в историческое существование, он не может быть произвольно изменен. Соссюровское наследие произвольности знаков заставляет семиотиков подчеркивать, что отношения между означающим и означаемым конвенциональны, то есть зависят от социальных и культурных конвенций.

В отличие от модели знака Соссюра в форме «отдельных диад», Пирс предложил модель триадическую: репрезентамен - форма, которую принимает знак (не обязательно материал); интерпретант - не интерпретатор, а скорее смысл, созданный знаком; объект - к которому знак обращается. Модель Пирса включает объект или референт, который, конечно, не указан непосредственно в модели Соссюра. Репрезентамен подобен в значении соссюровскому означающему, в то время как интерпретант подобен в значении означаемому. Однако интерпретант имеет отличительное качество - это самостоятельный знак в сознании переводчика. Пирс отмечал, что «знак ... отсылает, то есть создает в сознании человека эквивалентный знак, или возможно более сложный знак».

Чем больше означающее зависимо от означаемого, тем более «активен» знак: изобразительные знаки высоко мотивированы; символические знаки немотивированы. Чем менее активен знак, тем больше требуется знание конвенции относительно употребления этого знака. Однако большинство семиологов подчеркивают роль конвенции относительно знаков. Даже фотоизображения и фильмы построены на конвенциональной основе, поэтому мы должны «учиться читать» их. Такие конвенции - важное социальное измерение семиотики.

Если Соссюр предпочитал игнорировать материальность лингвистического знака, большинство последующих теоретиков, принявших его модель, решили восстановить материальность знака (или более строго означающего). Семиолог должен принимать всерьез любые факторы, которыми пользователи знака приписывают значение, и материальная форма знака иногда имеет значение. Современные теоретики имеют тенденцию утверждать, что материальная форма знака может производить свои собственные коннотации. Уже в 1929

Валентин Волошинов издал работу «Марксизм и Философия Языка», которая включила критический анализ модели Соссюра как психологической и неявно-идеалистской модели знака. Он утверждал, что «знак - явление внешнего мира» и что «знаки ... являются специфически-материальными вещами. Каждый знак имеет некоторое материальное воплощение, в звуковой ли, физической ли форме, цвете, движении тела, или подобное». Для Волошинова все знаки, включая язык, имеют «конкретную материальную действительность» и физические свойства материи знака.

Психоаналитическая теория также внесла вклад в переоценку означающего - в теории сновидений Фрейда, звучание означающего может быть расценено как лучший проводник к его возможному означаемому, чем любое обычное «декодирование» могло бы предположить. Например, Фрейд рассказывает, что молодой женщине, стремящейся к замужеству, приснились цветы - ландыши и фиалки. Популярная символика предполагает, что ландыши были символом целомудрия, и женщина согласилась, что она связывала их с чистотой. Однако Фрейд был удивлен, обнаружив, что она связала слово «фиалки» (violets) фонетически с английским словом «насилие» (violence), означающее ее опасение насильственного «лишение девственности». Как подчеркнул психоаналитик Жак Лакан (первоначально в 1957), фрейдовские концепции *уплотнения* и *смещения* иллюстрируют определение означаемого означаемым в снах. В *уплотнении*, несколько мыслей сжаты в один символ, в то время как в *смещении* бессознательное желание замещено очевидно тривиальным символом (чтобы избежать цензуры сновидения).

Фоноцентризм, который был связан с подавлением Соссюром материальности лингвистического знака, был оспорен в 1967, когда французский постструктуралист Жак Деррида, в его книге «О грамματοлогии», осудил предпочтение речи по отношению к письму, которое есть у Соссюра (также как в работах многих других предыдущих и последующих лингвистов). От Платона до Клода Леви-Стросса, устная речь удерживала привилегированное положение в Западном мировоззрении, расцениваемая как то, что глубоко вовлечено в наше самоосмысление и образование истины и подлинности. Речь стала так всесторонне натурализована, что «не только означающее и означаемое, кажется, объединены, но также, в этом беспорядке, означающее, кажется, стирает себя или становится прозрачным». Письмо традиционно находилось на вторичной позиции. Предприятие по вскрытию противоречий обозначило «возвращение репрессированного». Стремясь основать «грамматологию» или изучение смысловой структуры, Деррида защищал первенство материального слова. Он отметил, что специфика слов - самостоятельное материальное измерение. «Материальность слова не может быть переведена или перенесена в другой язык».

Ролан Барт также стремился переосмыслить роль означающего в процессе письма. В «классическом» литературном письме, автор, как предполагается, идет от означаемого к означающему, от содержания к форме, от идеи к тексту, от чувства к выражению. Для него, письмо было делом работы с означающими, и предоставлением означаемых самим себе - парадоксальное явление, которое другие авторы часто замечали. Последующие теоретики также стремились «повторно овеществить» лингвистический знак, подчеркивая, что слова являются вещами и что тексты являются частью материального мира. Джей Дэвид Болтер заявляет, что знаки всегда обусловлены средствами их передачи. Знаки могут быть более или менее обусловлены характеристиками одной среды - они могут переводиться, более или менее сохраняя смысл, другими средствами - но не имеется никакой такой вещи как знак без средства его воспроизведения. Джастин Льюис обращает внимание что, «знак не имеет никакого материального существования, так как значение приложено к словам или объектам, но не *вписано* в них. Только означающее - единица значения - существует как материальная вещь». Изменение означающего на уровне формы или средства может таким образом влиять

на означаемое - на смысл, который читатели извлекают из того, что является якобы тем же самым «содержанием». Прекращение отношений по факсу, вероятно, должно быть расценено иначе, чем прекращение отношений в ситуации лицом к лицу.

По мере развития семиотики, понятие «знак» постепенно отходило на второй план, уступая место понятию «текст» - интегративному знаку, проводнику функции и значения, применяемому для обозначения любой связной последовательности знаков-высказываний [Chandler, Daniel Semiotic for beginners [Electronic resource] // <http://www.aber.ac.uk>]. Выход за пределы исследования только внутрисистемных отношений наметился в ходе последующего развития семиотики. Традиционно семиотика различает два уровня в сообщении: денотативный (фактическое сообщение) и коннотативный (дополнительное значение, социокультурно обусловленная символическая нагрузка). Любой язык представляет собой комбинацию денотативного и коннотативного - такова динамическая реальность семиотической системы. Внимание к коннотативным означаемым повлекло за собой дискуссию о семиотике коммуникации и семиотике сигнификации. Первая настаивала на сосюрианском тезисе предопределенности означаемого и означающего, не интересовалась дополнительными значениями, разрушающими структуру кода, без которого коммуникация невозможна (Л. Прието, Ж. Мунен); а вторая наполняла жесткий семиотический базис реальным социокультурным содержанием, перенося внимание на сам процесс порождения смысла (Ельмслев, Р. Барт). Это было переходом от изучения знаковых систем, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми к неосознаваемым знаковым системам; по существу, это переход к семиотическому изучению социального бессознательного, открытие для семиотики новых областей исследования.

Концепция «кода» фундаментальна в семиотике. Производство и интерпретация текстов зависят от существования кодов или конвенций для коммуникации. Так как значение знака зависит от кода, в пределах которого он расположен, коды обеспечивают структуру, в пределах которой знаки имеют смысл. Действительно, мы не можем предоставлять чему-то статус знака, если это что-то не функционирует в пределах кода. Кроме того, если отношения между означаемым и его означаемым относительно произвольны, то ясно, что интерпретация значения знаков требует отнесения к соответствующим множествам соглашений. Чтение текста подразумевает его связь с соответственными кодами. Даже указательный и изобразительный знаки типа фотографии подразумевают перевод из трехмерного пространства в двумерное. Антропологи часто говорят о начальных трудностях, испытываемых людьми в примитивных племенах в придании смысла фотографиям и фильмам, в то время как историки обращают внимание, что даже в недавнем прошлом, первые мгновенные снимки смущали западных зрителей, потому что они не были им привычны, они нуждались в процессе культурного ознакомления или обучения. Хотя через какое-то время «визуальный язык» кажется нам «естественным», мы должны научиться «читать» даже визуальные и аудиовизуальные тексты. Некоторые теоретики утверждают, что даже наше восприятие повседневного мира вокруг нас вовлекает коды.

Как выразился бы Деррида, восприятие - всегда уже представление. Восприятие зависит от кодирования мира в изобразительных знаках, которые могут представлять его в нашем разуме. Однако сила очевидной тождественности огромна. Мы думаем, что тот мир, который мы видим нашим умозрением, скорее мир реальный, чем закодированная картина этого мира. Мы редко осознаем наши собственные обычные способы наблюдения мира. Требуется преднамеренное усилие, чтобы распознать повседневное визуальное восприятие как код.

Конвенциональность кодов представляет социальное измерение в семиотике: код - множество методов, знакомых пользователям среды, работающей в пределах широкой культурной структуры. Действительно, как Стюарт Холл выразился, «не имеется никакого

вразумительного диалога без действия кода». Само общество зависит от существования таких систем выражения. Коды организуют знаки в значащие системы, которые коррелируют означающие и означаемые. Коды превышают единичные тексты, связывая их вместе в интерпретативную структуру. Коды - интерпретирующие структуры, которые используются и производителями и переводчиками текстов. В создании текстов мы выбираем и объединяем знаки в отношении к кодам, которые нам известны, чтобы ограничить диапазон возможных значений, которые, вероятно, произведутся при чтении текста другими. Коды помогают упростить явления и сделать более легкой передачу опыта. Со знакомыми кодами мы редко ощущаем наши действия интерпретации, но иногда текст требует более напряженных усилий - например, выявление в большей степени означаемого для означающего (как в шутках, основанных на игре слов) - прежде, чем мы можем идентифицировать соответственные коды для понимания текста в целом.

Семиологи стремятся идентифицировать коды и правила, которые лежат в основе производства и интерпретации значения в пределах каждого кода. Они нашли удобным делить коды на группы. Различные теоретики одобряют различные таксономии, и хотя структуралисты часто следуют «принципу экономии», стремясь найти наименьшее число необходимых групп, «потребность» определена целями. Никакая таксономия не является невинно «нейтральной» и не лишена идеологических предположений.

Внутри культуры социальное дифференцирование «определенно» множеством социальных кодов. Мы сообщаем наши социальные идентичности посредством наших занятий, способа, которым мы говорим, одежды, которую мы носим, наших причесок, наших привычек. Использование языка действует как маркер социальной идентичности. Лингвистические коды служат как индикаторы не только социального класса, но и даже сексуальной ориентации. Коды изменяются не только между различными культурами и социальными группами, но также и исторически. Синхроническая перспектива структурно-семиотического анализа создает впечатление, что коды являются статическими. Но коды имеют происхождение, и они развиваются, и изучение их развития - законная попытка семиотики. Имеется постепенный процесс кодификации, посредством чего системы неявной интерпретации приобретают статус кодов. Коды - динамические системы, которые изменяются через какое-то время, и таким образом исторически также как социокультурно обусловлены. Кодификация - процесс, посредством чего устанавливаются соглашения относительно кодов.

Каждый текст - система знаков, организованных согласно кодам и подкодам, которые отражают некоторые значения, отношения, убеждения, предположения и методы. Текстовые коды не определяют значения текстов, но доминирующие коды имеют тенденцию ограничивать их. Социальные соглашения гарантируют, что знаки не могут означать то, что индивид хочет, чтобы они означали. Некоторые коды более широко распространены и доступны чем другие. Те, которые широко распространены и которые усваиваются в раннем возрасте, могут казаться «естественными», скорее, чем сконструированными. Современные семиологи обращаются к созданию и интерпретации текстов как «кодированию» и «декодированию» соответственно. Для семиотики не имеется такой вещи как незакодированное сообщение, так, что даже «кодирование», может быть более точно описано как «перекодирование». В контексте семиотики, «декодирование» подразумевает не просто основное признание и понимание того, что текст «говорит», но также и интерпретацию и оценку его значения в отношении к соответственным кодам.

Британский социолог Стюарт Холл выделяет фазы в модели кодирование / декодирование в коммуникации как «моменты», термин, который многие другие комментаторы впоследствии использовали (часто без объяснения). Джон Корнер предлагает его собственные определения: момент кодирования – институциональные действия и

организационные обстоятельства и методы производства, момент текста - символическое построение, договоренность и, возможно, выполнение, и момент декодирования - момент приема или потребления, который расценен большинством теоретиков как более напоминающий форму «построения», чем пассивности, предлагаемой термином «прием».

Коды средств массовой информации предлагают их читателям социальные идентичности, которые некоторые могут принимать как их собственные. Но читатели не обязательно принимают такие коды. Если вовлекаемые в связь, не разделяют общие коды и социальные положения, декодирование, вероятно, будет отличаться от предназначенного значения кодирующего. Эко использует термин «отклоняющееся декодирование», обращаясь к тексту, который был декодирован посредством отличного от первоначального кода. Эко описывает как «закрытые» те тексты, которые проявляют тенденцию поощрить специфическую интерпретацию - в отличие от более «открытых» текстов. Он доказывает, что тексты средств массовой информации имеют тенденцию быть «закрытыми» текстами, но так как они транслируются разнородной аудитории, разнообразные декодирование таких текстов неизбежны.

Холл подчеркнул роль социального положения в интерпретации текстов средств массовой информации различными социальными группами. Он предложил три гипотетических кода или положения для читателя текста:

Доминирующее (или «основное») прочтение: читатель полностью разделяет с автором код текста и принимает, и воспроизводит привилегированное чтение (чтение, которое, возможно, было результатом сознательного намерения со стороны автора) - в такой позиции, код кажется «естественным» и «прозрачным»;

Договорное прочтение: читатель частично разделяет код текста и широко принимает привилегированное чтение, но иногда сопротивляется и изменяет его способом, который отражает его собственное положение, опыты, и интересы, это положение подразумевает некоторые противоречия;

Оппозиционное («противоположное основному») прочтение: читатель, чья социальная ситуация помещает его в непосредственно оппозиционное отношение к доминирующему коду, понимает привилегированное чтение, но не разделяет код текста и отклоняет это чтение;

Несмотря на имеющиеся критические оценки, модель Холла была очень влиятельна, особенно среди британских теоретиков. В интерпретации прочтений зрителями текстов средств массовой информации внимание должно быть уделено не только проблеме соглашения (принятие / отклонение), но и пониманию, соответствию и удовольствию. Интерпретация знаков их пользователями может быть рассмотрена в семиотической перспективе как наличие трех уровней (свободно связанных со схемой Морриса для отраслей семиотики):

Синтаксический: признание знака (относительно других знаков);

Семантический: понимание предзаданного значения знака;

Прагматический: интерпретация знака в терминах соответствия, соглашения и т.д.

Хотя Соссюр и подчеркнул важность отношений знаков друг к другу, одна из слабостей структуралистской семиотики - тенденция трактовать индивидуальные тексты как дискретные, отграниченные объекты и фокусироваться исключительно на их внутренних строениях. Первая аналитическая задача структуралиста часто описывается как задача разграничить систему (что должно быть включено и что исключено), которая является логически понятной, но онтологически проблематичной. Даже оставаясь в пределах парадигмы структурализма, мы можем обратить внимание, что коды выходят за рамки структур. Семиотическое понятие интертекстуальности, введенное Юлией Кристевой, связано, прежде всего, с теоретиками-постструктуралистами. Кристева рассматривает тексты

в терминах двух параметров: горизонтальная ось, соединяющая автора и читателя текста, и вертикальная ось, которая соединяет текст с другими текстами. Объединение этих двух параметров используется кодами: каждый текст и каждое прочтение зависят от предшествующих кодов, каждый текст находится под юрисдикцией других дискурсов, которые налагают на него универсум. Прежде чем рассматривать структуру текста, мы должны изучить его «структурацию» (как строение возникло). Это подразумевает расположение его внутри всего множества предыдущих или синхронных текстов.

Интертекстуальность - это гораздо больше, чем влияние авторов друг на друга. Для структуралистов, язык имеет полномочия, которые не только превышают индивидуальное управление, но также и определяют субъективность. Структуралисты стремились противостоять тому, что они рассматривали как смещение в литературной и эстетической мысли, которая подчеркивала уникальность и текстов и авторов. Идеология индивидуализма (и связанные с ней концепции авторской «новизны», «творческого потенциала» и «выразительности») - наследство пост-Ренессанса, которое достигло его пика в Романтизме, но которое все еще доминирует над популярным дискурсом. «Авторство» было историческим изобретением. Концепций типа «авторства» и «плагиата» не существовало в средневековье. Люди не придавали такой важности установлению точной идентичности автора книги, которую они читали или цитировали, как мы делаем теперь. Соссюр подчеркивал, что язык - система, которая существует до индивидуального пользователя. Структуралист и постструктуралист «всегда уже» позиционирован семиотическими системами (и наиболее четко языком). Современные теоретики считают, что язык говорит через субъекта, скорее, чем наоборот. Когда авторы пишут, они также написаны.

Теоретики интертекстуальности проблематизировали статус «авторства», относясь к автору текста как к дирижеру того, что Ролан Барт считает «уже написанным». Текст - многомерное пространство, в котором многообразие написанного, но не оригинального, смешивается и сталкивается. Единственная возможность автора состоит в том, что он может смешать написанное новым способом. Клод Леви-Стросс говорил: «У меня нет чувства, что я пишу мои книги, у меня есть чувство, что мои книги пишутся через меня ..., я никогда не имел, и все еще не имею, чувства моей персональной идентичности. Я обращаюсь к себе как к месту, где что-то происходит, но там нет никакого «Я», никакого «меня».

Один из основных текстов семиотики «Курс общей лингвистики», непосредственно проблематизирует статус авторства. Хотя текст, изданный в Париже, носит имя Фердинанда де Соссюра как его автора, он не был фактически работой Соссюра вообще. Соссюр умер в 1913 году без того, чтобы оставить какую-либо детальную разработку его теорий по общей лингвистике или того, что он назвал семиологией. «Курс...» был сначала издан посмертно в 1916 году и был собран Чарльзом Балли и Альбертом Сечехей на основе примечаний, которые были сделаны, по крайней мере, семью студентами, вместе с несколькими персональными примечаниями, которые были написаны Соссюром непосредственно. Примечания студентов ссылались на три отдельных курса по общей лингвистике, которую Соссюр преподавал в Университете Женевы в течение периода 1906-1911 годов. Соссюр таким образом ни писал, ни читал книгу, которая носит его имя, хотя мы все время это подразумеваем. Не удивительно, что различные противоречия и несовместимости часто отмечались в тексте. Действительно, некоторые комментаторы говорили, что «Курс...» не всегда предлагает точное отражение идей Соссюра.

Понятие интертекстуальности проблематизирует представление о тексте как об имеющем границы и подвергает сомнению дихотомию «внутреннего» и «внешнего»: Где текст «начинается» и «заканчивается»? Каков «текст», и каков «контекст»? Если для реалиста «искусство подражает жизни», то «интертекстуальность» предполагает что, искусство подражает искусству. Оскар Вилд расширил это понятие, заявляя, что «жизнь

подражает искусству». Тексты - инструменты не только в построении других текстов, но и в построении опыта. Многие из того, что мы «знаем» относительно мира, получено из того, что мы читали в книгах, газетах и журналах, из того, что мы видели в кино и на телевидении и из того, что мы слышали по радио. Жизнь, таким образом, «живет» посредством текстов и создана текстами в большей степени чем, мы обычно предполагаем. Как замечает Скотт Лаш, «Мы живем в обществе, в котором наше восприятие направлено почти также часто на представления, как и на «действительность». Интертекстуальность размывает границы не только между текстами, но и между текстами и миром живого опыта. Действительно, мы можем доказать, что мы не знаем никакого пред-текстового опыта. Мир, как мы его знаем, это просто представление о нем в данный момент времени.

Семиотика может быть применена ко всему, о чем можно сказать, что оно что-либо означает, другими словами ко всему, что имеет значение внутри культуры. Даже в пределах контекста массовой информации, вы можете применить семиотику к любому информационному тексту (включая телевизионные и радио- программы, мультфильмы, газетные и журнальные статьи, объявления и другую рекламу), и по отношению к практике производства и интерпретации подобных текстов. Хотя и «здравый смысл», и реализм позитивиста утверждают, что действительность независима от знаков, которые обращаются к ней, семиотика подчеркивает роль систем знаков в построении действительности. Хотя вещи могут существовать независимо от знаков, мы знаем их только через посредничество знаков. Мы видим только то, что наши системы знаков позволяют нам видеть. Семиологи доказывают, что знаки связаны с их означаемыми в соответствии с социальными конвенциями, которым мы учимся. Мы настолько привыкли к таким конвенциям в нашем использовании различных средств информации, что они кажутся «естественными», и нам может быть трудно понять условный характер таких отношений. Семиотика может помочь нам осознать то, что мы считаем само собой разумеющимся в представлении мира, напоминая нам, что мы всегда имеем дело со знаками, а не с установленной объективной действительностью, и что системы знаков вовлечены в построение значения. Это - идеологическая проблема, с тех пор, как заметил Виктор Бургин, «идеология - сумма принятого за предоставленные факты повседневной жизни».

Понимание работы ключевых концепций в семиотике - включая их практическое применение - может быть расценено как необходимое для каждого, кто хочет понять сложные и динамические экологические связи, внутри которых мы живем. Если мы не можем понять этих связей, мы находимся в большой опасности, что нами станут манипулировать те, кто их понимает. Для Пирса, «вселенная ... заполнена знаками, если не состоит исключительно из знаков». Нам никуда не убежать от знаков. Как выразился Билл Николс: «До тех пор, пока знаки производятся, мы будем обязаны понять их. Это - вопрос нашего выживания».